ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ачкинази Борис Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры социального и гуманитарного образования Крымского республиканского Института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Россия).
E-mail: boris_atch@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются малоизученные аспекты германо-большевистского феномена как главного фактора угрозы французской безопасности после окончания Первой мировой войны. Анализируется характер разногласий между правыми, умеренными (центристскими) и левыми партиями Франции относительно понимания сути безопасности и подходов к ее обеспечению. Автор увязывает их со спецификой момента, наличием несовпадающих программных и идеологических установок, а также усилением конфронтационности, обусловленной как внешними, так и внутренними факторами.

В работе указывается на преобладающую роль правых, приверженным традиционным догматам национализма и патриотизма, в проведении практических решений в сфере безопасности, что нашло отражение в культивировании силовой политики в отношении побежденной Германии и Русской революции 1917 г. Наряду с характеристикой правых, значительное место отведено оппозиционным центристским группам, исповедовавшим «интернационалистские» принципы американского президента В. Вильсона. В этом же контексте указывается на взаимопереплетение националистических и «интернационалистских» подходов правых и умеренных кругов к ключевым вопросам послевоенного урегулирования, непосредственно влиявшими на обеспечение национальной безопасности. Автор отмечает, что определенная консолидация правых и центра в деле «национальной защиты» вылилась в активную борьбу против левых социалистов, синдикалистов и коммунистов, разделявших идеи «пролетарского интернационализма» и революционного низвержения капиталистического общества, ответственного за развязывание мировой войны.

Стержневой идеей работы является мысль о неурегулированности проблемы безопасности в первые послевоенные годы, что инициировало проявления внутренней конфронтации фактически в течение всего межвоенного периода, во многом обусловив драму Франции уже в начальный период Второй мировой войны.

Ключевые слова: Франция, Первая мировая война, послевоенное урегулирование, германский реваншизм, угроза большевизма, национализм, пролетарский интернационализм, гарантии безопасности, франко-русский союз, Версальская система, вильсоновский пацифизм.

B. A. Atchkinasi

Problem of France's Security after the End of the First World War

Boris Atchkinasi, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education (Simferopol, Russia).

E-mail: boris_atch@mail.ru

Abstract. The article examines the scarcely-studied aspects of the phenomenon of the German-Bolshevik partnership as the main threat to French security after the end of the First World War. The nature of the disagreement between the right, moderate (centrist), and left parties regarding the understanding of the essence of security and approaches to its maintenance is analyzed. The author connects them with the specifics of the moment, the presence of dissimilar programmatic and ideological attitudes, as well as increased confrontationality, due to both external and internal factors.

The paper highlights the predominant role of the right, committed to the traditional dogmas of nationalism and patriotism, in the implementation of practical decisions in the field of security, which is reflected in the cultivation of power politics towards defeated Germany and the Russian Revolution, as a breeding ground for Bolshevism. Along with the characterization of the right, a significant place is given to opposition centrist groups professing the "internationalist" principles of American President W. Wilson. In the same context, the intertwining of nationalist and "internationalist" approaches of the right and moderate circles to the key issues of the post-war settlement, which directly influenced the provision of national security, is pointed out. The author notes that a certain consolidation of the right and the center in the cause of "national defense" resulted in an active struggle against the left socialists, syndicalists and communists who shared the ideas of "proletarian internationalism" and the revolutionary overthrow of the capitalist society responsible for unleashing the world war.

The core point of the paper is the idea that the unresolved security problems in the first post-war years initiated the manifestation of internal confrontation practically throughout entire the interwar period, largely determining the drama of France in the initial period of World War II.

Keywords: France, the First World War, post-war settlement, German revanchism, the threat of Bolshevism, nationalism, proletarian internationalism, security guarantees, Franco-Russian alliance, Versailles system, Wilson pacifism.

После окончания мировой войны 1914–1918 гг. проблема безопасности оказалась в центре политической жизни Франции. Все партии и политические силы возлагали надежды в ее решении на мирный договор с Германией, создание Лиги Наций, сохранение союза с Великобританией и США, расширение зоны стратегических приоритетов в Центральной и Юго-Восточной Европе, активное использования ресурсов колоний.

Неоднозначность ситуации заключалась в том, что, на первый взгляд, такой проблемы не должно было существовать. Страна, которая четыре года сдерживала натиск немцев на собственной территории, понесла огромные потери и убытки, смогла переломить неблагоприятный ход событий. Опираясь на поддержку союзников, французские войска в июне 1918 г. начали генеральное наступление под Амьеном, которое завершилось победой и подписанием перемирия в Компьене 11 ноября. Война усилила влияние националистических сил, добивавшихся максимального ослабления немецкого могущества и закрепления «плодов победы». Кабинет Ж. Клемансо (7 ноября 1917–18 января 1920 г.) пытался подчинить вопросы послевоенного урегулирования проблеме ликвидации возможных угроз в будущем со стороны побежденной, но сохранявшей значительный экономический потенциал и стратегические позиции в Европе Германии.

Период от подписания перемирия 11 ноября 1918 г. до Парижской конференции 1919 г. и заключения здесь мирных договоров с Германией и ее партнерами по Четверному союзу явился начальной вехой разработки французской стратегии безопасности. В историографии внимание на этом не акцентировалось, хотя в целом в работах по истории международных отношений, внешней и внутренней политики авторы указывали на значимость этой проблемы для Франции. Так, историк и публицист Ж. Ансель констатировал, что и после победы «Франция приговорена жить в условиях постоянной угрозы»¹. Известный историк-международник Ж.-Б. Дюрозель, развивая эту мысль, справедливо подчеркивал, что именно дилемма германской угрозы «доминировала во французской политике в межвоенный период»². Специалист по истории франко-германских отношений Ж. Барьети связывал такое положение с геополитическими реалиями: «Понимали французы или нет, но жизнь Франции в значительной мере зависела от соседства с Германией и от состояния немецко-французских отношений: география определяла историю»³. В свою очередь германист Ж. Дроз, указывая на всплеск активности реакционных сил в поверженной Германии, объяснял его, в том числе и тем, что республика (созданная здесь в результате Ноябрьской революции. — Б. А.), «взвалила на себя ненавистную миссию по выполнению Версальских решений»⁴.

Британский эксперт В. Джордан еще в 1930-х годах усматривал причины обострения борьбы вокруг гарантий безопасности как между союзниками, так и внутри французского социума, в противопоставлении, по его словам, «физических и моральных гарантий» — «политическим». Доминирующим во Франции, указывал он, являлось стремление заручиться «физическими и моральными гарантиями», которые предусматривали расчленение Германии, изъятие из-под ее юрисдикции практики всей Рейнской области, тотальное разоружение, взимание репараций, суд над инициаторами развязывания войны и военными преступниками. Британия, США, умеренные в самой Франции отстаивали «политические гарантии», которые увязывались с ликвидацией кайзеровского режима, договоренностями с демократическими кругами (партиями веймарской коалиции), осуществлением мер, направленных на устранение «большевистской угрозы». Наказание Германии не должно было вытолкнуть ее за пределы западной общности и привести к сближению с Советской Россией⁵.

Вместе с тем отношение в политических кругах Франции к проблеме безопасности, ее понимание и осмысление различными партиями и организациями Третьей республики не получило должного освещения в литературе. В статье ставится задача выяснить сущность и содержание проблемы в первый послевоенный период и проанализировать такие важные ее аспекты, вокруг которых развернулась острая политическая борьба, как германский вопрос, включая проблемы рейнского пограничья, а также отношение к России, превратившейся в результате революции и гражданской войны из традиционного союзника Франции в фактор большевистской угрозы. Следует добавить, что в переходный период от войны к миру проблема германо-большевистской угрозы рассматривалась в значительной мере как комплексная, учитывая реальную ситуацию, в которой оказались обе державы.

¹ *Ansel J. Affaires étrangères. (Aide-mémoire de la politique française. 1789–1936). Paris, 1936, p. 7.*

² *Duroselle J. -B. La politique extérieure de la France de 1914 à 1945. Fascicule I. Paris, 1965, p. 1.*

³ *Bariety J. Les relations franco-allemandes après la Première guerre mondiale (10 novembre 1918–10 janvier 1925 de l'Execution à la Négociation). Paris, 1977, p. XV.*

⁴ *Droz J. Histoire de l'Allemagne. Paris, 1997, p. 90.*

⁵ *Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. (анализ англо-французских отношений в период создания и проведения в жизнь Версальского договора). М., 1945, с. 245–248.*

Изучение этих сюжетов позволяет более глубоко уяснить истоки сохранявшейся в течение всего межвоенного двадцатилетия острой политической конфронтации, обусловившей внутреннюю слабость Франции и ее неподготовленность к новым вызовам, выявившимся в 1930-х годах в связи с установлением гитлеровского режима в Германии.

Многочисленные жертвы и разрушения мировой войны 1914–1918 гг. не имели аналогов во французской истории⁶. Война воспринималась французами как проявление агрессивности и вероломства немцев, стремившихся к гегемонии и господству. Президент Франции Р. Пуанкаре в обращении к войскам по случаю нового 1916 г. подчеркивал: «Ни один француз не желал этой войны, ни один француз не мог бы возметь преступную мысль призывать к этой войне. Все правительства, сменявшиеся во Франции после 1871 г., всеми силами старались избежать этой войны. Но теперь, когда нам объявили ее против нашей воли, наш долг вести ее вместе с нашими верными союзниками до победного конца, до уничтожения прусского милитаризма и до полного восстановления Франции»⁷.

Война и тяжелейшие последствия мирового конфликта вызвали своеобразный стресс во французском обществе, и даже ее триумфальное завершение не устранило тревоги и опасений относительно перспектив мирного сосуществования с немцами в будущем. Настроения французоз, переживших очередной кровавый конфликт с извечным врагом, довольно точно передала известный историк О. А. Добиаш-Рождественская, которая по приглашению академических кругов в конце 1921 года совершила поездку во Францию. Прошедшие три года после заключения перемирия, не устранили чувства настороженности к Германии, которыми, по ее словам, «пронизана вся атмосфера французской жизни. Не столько “самодовольство” победителей определяла ее, сколько горечь от мысли о несоответствии общим результатам войны, тех жертв, которые были принесены и от того, что немецкая угроза не ликвидирована»⁸.

Заключение перемирия, а потом подписание и ратификация Версальского мирного договора, а также парламентские выборы в ноябре 1919 г. стали вехами в жизни французского общества. В политических и общественных кругах, широких слоях населения бытовали представления, что мир с Германией должен обеспечить безопасность и спокойствие страны на долгие годы. В связи с этим теме приобретения надежных гарантий против повторения разыгравшейся драмы отводилось большое место. Публицист Р. Корнийё, отражая господствовавшие настроения, подчеркивал, что немецкий вопрос остается доминирующим в обеспечении безопасности, поскольку непосредственно влияет на фундаментальные основы государственного существования. Он призывал правительство «проводить французскую политику в защиту национального интереса», который заключался прежде всего в «интегральном выполнении мирного договора»⁹.

Формирование базовых принципов безопасности обуславливалось итогами войны и ситуацией, сложившейся после ее окончания. В первую очередь, предстояло осуществить всеобъемлющее примирение в Европе, являвшейся главным театром военных действий, нейтрализовать угрозу со стороны Германии,

⁶ *Gide Ch., Oualid W.* Le bilan de la guerre pour la France. Paris – New Haven, 1931.

⁷ *Пуанкаре Р.* На службе Франции 1915 – 1916: воспоминания. Москва – Минск, 2002, с. 288.

⁸ *Добиаш-Рождественская О. А.* Впечатления академического Парижа. – *Анналы*, 1922, № 1, с. 48.

⁹ *Cornillau R.* De Waldeck-Rousseau à Poincaré. Chronique d'une génération (1898–1924). Paris, 1926, p. 339–340.

поскольку, по убеждению французов, здесь сохранялось сильное влияние тех же сил, которые развязали войну, а также со стороны большевистской России, в которой усматривали очаг «мировой революции». Академик М. Крузе, объясняя сложившееся в связи с мировой войной и ее итогами положение, справедливо отмечал: «Кризис ...который разразился в 1914 г., потряс основания того хрупкого равновесия, на котором покоилось богатство и преобладание Европы. Эта европейская “гражданская война”, продолжавшаяся более четырех лет и Русская революция 1917 года нанесли либеральной и капиталистической системе удары, от которых она уже никогда не смогла оправиться»¹⁰.

Во Франции, культивировались различные модели послевоенного урегулирования и нормализации международных отношений, в контексте которых рассматривались и вопросы обеспечения безопасности. С одной стороны, значительное влияние приобрели пацифистские настроения, как реакция на кровопролитный и разрушительный характер мировой войны и ее тяжелейшие последствия. С другой – давали о себе знать проявления национализма и патриотизма, ставшие главенствующими в противоборстве обеих воюющих коалиций. В официальной риторике и публицистике для обозначения приверженности первому или второму течению, использовались выражения «интернационализм» и «национализм».

Известно, что понятия «национализм», «патриотизм» стали утверждаться в период интенсивного формирования наций в XVII–XVIII вв. Националисты рассматривали нацию как важную и уникальную форму социальной общности. Внутри национальной общности все социальные слои оказывались связанными единством интересов. Нация наделялась определенным «духом», который существовал изначально и во многом определял характер и харизму ее представителей. В общественной мысли Франции начала XX в. выражения «патриотизм», «национализм» использовались, как правило, для подчеркивания верховенства нации, национальной культуры, национальных интересов, защиты отечества и его обороны. Для французских националистов эти ценности означали средство легитимизации их понимания «величия» страны, ее силы и безопасности. Известный историк, профессор МГИМО А. В. Ревякин подчеркивал, что «одной из основополагающих идей французского национализма стал реванш за поражение 1871 г. Из этой идеи с необходимостью вытекало представление о неотвратимости новой войны с Германией. Будущая война грезилась сторонникам реванша как сугубо освободительная для Франции. Отсюда их настойчивые призывы, обращенные ко всем французам, помнить о долге всякого честного патриота – защите отечества. Во многом благодаря пропаганде реванша военные, армия во Франции приобрели небывалое со времени наполеоновской империи почет и уважение. Их публично и приватно превозносили как важнейшую опору государственности, символ единства нации, воплощение лучших черт национального характера»¹¹. П. Дерулед, создатель «Лиги патриотов», в своих «Солдатских песнях» 1885 г., обвиняя немцев в стремлении «раздавить побежденный народ», воспевал неотвратимость реванша¹². Один из основных принципов национализма заключался в том, чтобы границы государства совпадали с этническими границами. Отсюда проистекал, обусловленный итогами мировой войны, грандиозный триумф после

¹⁰ Histoire générale des civilisations (publié sous la dir. de Maurice Crouzet). T. VII. L'Époque contemporaine (A la recherche d'une civilisation nouvelle) par Maurice Crouzet. Paris, 1957, p. 2.

¹¹ Ревякин А. В. Французский национализм и Первая мировая война. – Война и общество в XX веке, в 3 кн. Кн.1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008, с. 235–236.

¹² Rajsfus M. De la Victoire à la débâcle (juin 1919 – juin 1940). Paris, 2000, p. 10.

возвращения в «лоно матери-родины» Эльзас-Лотарингии и освобождения территорий, оккупированных немцами.

С окончанием военных действий акцентировалось внимание на огромном, если не решающем вкладе Франции в разгром кайзеровского милитаризма, на той исключительной роли, которую она играла в цивилизованном мире, ее преданности извечным христианским ценностям, ценностям демократии и прав человека¹³. Один из выдающихся представителей французской школы историков-международников П. Ренувен, излагая точку зрения правых, указывал, что они добивались от делегации, сформированной Ж. Клемансо для участия в Парижской мирной конференции, «более энергично отстаивать перед США и Великобританией требования Франции, которая из всех союзников обладает высшим правом, поскольку речь идет о сохранении ее безопасности и получении репараций»¹⁴.

«Национализм» правительства и правых партий, которые его поддерживали, и «интернационализм» умеренных республиканских группировок, о котором будет сказано ниже, были направлены против «немецкой расы» и возрождения Германии, против Коминтерна и Советской России. В свою очередь, для международного коммунистического движения, зарождавшегося в этот период, для Французской компартии (ФКП), созданной в декабре 1920 г., декларации верховенства национального принципа рассматривались как синоним реакционной империалистической политики господствующего буржуазного класса. Буржуазия, подчеркивалось в заявлениях ФКП, заинтересована в разжигании вражды между нациями. Она поощряет и оправдывает эксплуатацию слабой нации более сильной. Крайне левые (коммунисты, анархо-синдикалисты) полагали, что «империалистические интересы» углубляют противоречия с колониальными народами и слаборазвитыми нациями. Они доказывали, что правящая верхушка Франции отстаивает интересы крупной буржуазии («двухсот семейств»), стремится к установлению своей гегемонии в Европе. В манифесте, принятом на съезде социалистической партии (СФИО) в Туре в декабре 1920 г., на котором была создана ФКП, подчеркивалось, что французские трудящиеся будут защищать вместе со всеми секциями Коминтерна «мир, права народов и революцию, которой угрожают империалисты, маскирующие свои классовые интересы заявлениями о необходимости национальной защиты»¹⁵.

В конкретных реалиях послевоенного времени, экономических тягот и социальных потрясений, идеи «пролетарского интернационализма» противопоставлялись всем видам буржуазной политики, в том числе и так называемому «буржуазному пацифизму», как он характеризовался в документах левых партий и организаций. Так, в Учредительном манифесте «коммунистической партии» одного из вождей французского синдикализма Р. Перика, относительно будущего социального строя, указывалось: «Это будет строй, где женщина будет свободна от мужского ярма, строй, при котором народы превратятся в братские, независимо от национальности и цвета кожи. Это будет строй свободы, избавленный от милитаризма, религиозных догм и гражданских тяжб. Строй, где единственным средством принуждения станет совесть, единственной родиной — весь мир, единственной религией — человечество»¹⁶.

В послевоенном мире этот социальный утопизм оказывал заметное воздействие на формирование идеологии левых социалистических групп, усматривавших в самой

¹³ *Barrus M.* L'Ame française et la Guerre, t. 1–3. Paris, 1915–1918.

¹⁴ *Renouvin P.* Le Traité de Versailles. Paris, 1969, p. 31.

¹⁵ Parti Socialiste. XVIII Congrès National tenu à Tours 5–30 Décembre 1920. Paris, 1921, p. 252–267.

¹⁶ Manifeste du Partie Communiste. — L'Internationale, 16.VI.1919.

мировой войне, ее характере и последствиях признаки агонии капитализма и призывавших к интернациональной солидарности трудящихся с тем, чтобы ускорить его крах.

Наиболее широкое распространение в этот период приобрели либеральные принципы послевоенного переустройства президента США В. Вильсона, на которые ориентировалась большая часть мировой общественности. Их отличительные признаки и направленность в духе теорий американской «исключительности» достаточно емко охарактеризовал крупный ученый, государственный деятель и дипломат, занимавший в 1970-х годах пост госсекретаря США, Г. Киссинджер: «Когда на Парижской мирной конференции 1919 г. столкнулись американская трактовка внешней политики и европейские дипломатические традиции, трагически очевидной стала разница в историческом опыте. Европейские лидеры стремились подправить существующую систему привычными методами; американские же миротворцы искренне верили, что Великая война явилась следствием не каких-либо неразрешимых геополитических конфликтов, но характерных для Европы и порочных по сути интриг. В своих знаменитых “14 пунктах” Вильсон поведал европейцам, что отныне система международных отношений должна строиться не на концепции равновесия сил, а исходя из принципа этнического самоопределения, что их безопасность должна зависеть не от военных союзов, а от коллективных действий, и что их дипломатия более не должна быть тайной и находиться в ведении специалистов, а должна основываться на “открытых соглашениях, открыто достигнутых”. Безусловно, Вильсон добивался не столько обсуждения условий окончания войны или восстановления существующего международного порядка, сколько преобразования всей системы международных отношений, функционировавшей на протяжении почти трех столетий»¹⁷. «14 пунктов» олицетворяли другой тип «интернационализма», который интерпретировал понятия «международный», «интернациональный» в смысле «солидарности интересов», «сотрудничества». Так, в предисловии к своей работе «Политика и реальность», публицист Ж. Эмель представлял интернационалистскую тенденцию следующим образом: «Наша цивилизация стремится к освобождению от границ, сближению всех частей света, расширению связей между народами, которые длительное время пребывали сами в себе»¹⁸.

Расхождения между приверженцами национализма и «интернационализма» в обстановке начавшегося послевоенного переустройства мира не являлись чем-то принципиальным. Оба подхода выступали в единой связке и, как показала практика, использовались в зависимости от складывавшейся конъюнктуры, расстановки сил, соотношения внутренних и внешних факторов. Так, «классические» националисты Ж. Клемансо, А. Тардьё, Р. Пуанкаре шли на уступки и соглашения с партнерами военной поры, Великобританией и США, даже если они не согласовывались с требованиями ортодоксов. В свою очередь, сторонники «интернационализма», оставаясь приверженцами идей французского «величия» и сохранения «плодов победы», по-другому расставляли акценты в подходе к решению внешнеполитических задач и проблем безопасности, усматривая гарантии последних, прежде всего, в союзническом единстве. По этой причине они ориентировались на вильсоновские принципы «новой демократии» и «новой дипломатии», которые разделялись также британским кабинетом Д. Ллойд Джорджа и общественностью. Это, во многом, объясняет ратификацию французским парламентом Версальского договора,

¹⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 11–12. См. также: Mayer F. J. Political Origins of the New Diplomacy, 1917–1918. New Haven, 1959.

¹⁸ Aimel G. La politique et le réel. Paris, 1923, p. IX.

вопреки яростной критике со стороны националистически настроенных правых и крайне правых фракций, большая часть которых в конечном счете проголосовала «за» или воздержалась¹⁹. Как и правые, «интернационалисты» доказывали необходимость создания международных вооруженных сил при Лиге Наций, которые, по их мнению, должны были повысить эффективность этой организации в качестве коллективного гаранта безопасности. Ее пылким адептом выступал Л. Буржуа, патриарх французского радикализма, представлявший страну в Совете Лиги. Отстаивая идею международной армии, он обосновывал ее необходимость наличием в Германии и других государствах, проигравших войну, сил, исповедовавших «дух реванша»²⁰. Американский историк Ж. Баррос, по этому поводу, отмечал, что «Франция с помощью Лиги развернула действия против «специфической страны» (т. е. Германии. — Б. А.)»²¹.

Националистические взгляды были свойственны правым консервативным, а также крайне правым, клерикально-монархическим партиям и организациям. Умеренные республиканские группировки (партия радикалов, партия республиканских социалистов, христианские демократы) придерживались «интернационалистских» принципов. Левые социалисты и коммунистические организации исповедовали «пролетарский интернационализм», который обосновывал необходимость революционных преобразований и отбрасывал любые «буржуазные» теории и платформы, как националистического, так и пацифистского характера.

В обстановке борьбы между основными партиями и организациями Третьей республики вокруг вопросов безопасности, правительством Ж. Клемансо к декабрю 1918 г. была завершена выработка «мирной программы», легшей в основу деятельности французской делегации на Парижской конференции. Большое место в ней отводилось проблеме надежных границ с Германией. Официально такой подход объяснялся печальным опытом августа 1914 г. Тогда немецкие войска, после захвата нейтральной Бельгии, разгромив в приграничном сражении французскую армию, совершили марш-бросок к Парижу. С этого времени тема надежных границ, поднятая французской делегацией еще в ходе обсуждения пунктов перемирия, снова встала в повестку дня. В выступлениях политиков и военных варьировалась мысль, что сила Франции — это ее армия, ее колонии, ее союзы, однако в первую очередь, — безопасные надежные границы.

В ситуации, сложившейся после окончания Великой войны, кампании правых и крайне правых за возвращение к «естественным границам» по Рейну, означали расчленение Германии и изъятие из-под ее юрисдикции огромной, важной в экономическом, политическом и стратегическом отношении Рейнской области. В раскладках правительства и правых партий осуществление этих целей обосновывалось стремлением к восстановлению «исторической справедливости» и укреплению военно-экономического потенциала страны, подорванного германским нашествием. Р. Корнюде (Республиканско-демократический альянс) в своей парламентской речи 5 февраля 1920 г. указывал на уязвимость франко-германской границы вследствие того, как он полагал, что в период войны

¹⁹ *Beau de Lomenie E.* Le débat de ratification du Traité de Versailles à la Chambre des Députés et dans la presse en 1919. Paris, 1945; *Ачкинази Б. А.* Версальский мир и борьба партий во Франции в 1919 году. — Французский ежегодник. 1986. М., 1988, с. 27–53.

²⁰ *Bourgeois L.* Les raisons de craindre et les raisons d'esperer (La motion sur la deusime asssemblée de la Société des Nations à Genève). — *Bourgeois L.* L'Oeuvre de la Société des Nations (1920–1923). Paris, 1923, p. 96–107.

²¹ *Barros J.* The United Nations. Past, Present and Future. New York, 1972, p. 123.

не были оккупированы стратегически важные районы Рейнской области. «Границы Германии, – подчеркивал он, – проходят в непосредственной близости от нашей столицы... Их будет очень трудно оборонять»²².

Ж. Клемансо попытался реализовать планы расчленения Германии, заложенные в «мирной программе», в ходе работы Парижской конференции и на заседаниях «Совета четырех» (Англии, Франции, США и Италии). Обращаясь к британскому премьеру Д. Лойд Джорджу, возражавшему против аннексии Рейнской области, «отец победы» с раздражением заявлял: «Вы забываете, что находитесь на своем острове – за морем! То есть вы находитесь в убежище; что касается нас, то мы проживаем на материке и имеем доступную для нападения границу. Мы добиваемся создания барьера, за которым наш народ, потерявший столько своих сыновей, мог бы в безопасности жить и работать»²³.

Обеспечение южной границы рассматривалось в едином комплексе с безопасностью на востоке, и также имело большую предысторию. Вопрос этот поднимался со времен Ришелье и Людовика XIV, и нашел отражение в Пиренейском договоре, заключенном первым министром «короля-солнце» кардиналом Д. Мазарини с испанским правительством в 1659 г. Договор этот, ставший следствием победы Франции в франко-испанской войне 1635–1659 гг., закреплял «естественную границу» между двумя монархиями по Пиренеям. Дипломатия Парижа долгое время вела успешную борьбу против попыток Германии посадить, по выражению О. фон Бисмарка, испанскую мушку на затылок Франции²⁴. Во многом такой подход объяснялся сильными пронемецкими настроениями, проявлявшимися в Испании в годы мировой войны²⁵. Ж. -П. Бонкур, крупный государственный и политический деятель Третьей республики, по этому поводу напоминал, что «старое правило нашей традиционной политики заключается в том, чтобы на полуострове не было никакой иностранной державы, кроме Испании»²⁶.

После окончания войны и подписания перемирия началась ожесточенная дипломатическая борьба за привлечение к союзу с Францией пограничной Бельгии. Проблема заключалась в том, что до нарушения ее суверенитета кайзеровской Германией в августе 1914 г., она сохраняла статус нейтрального государства. Вследствие географической близости и традиционных связей, Бельгия рассматривалась как страна, которая должна стать частью единого с Францией хозяйственного организма. Однако политические разногласия внутри страны по этому вопросу и давление со стороны Великобритании вынуждали бельгийские власти ограничивать масштабы французских домогательств. Несмотря на это, по замечанию Ж.-Б. Дюрозеля, союз с Бельгией стал единственным альянсом, который Франции удалось создать на Западе против Германии²⁷.

Уязвимость на северо-восточном фланге принудила к строительству после войны вдоль франко-германской границы полосы укреплений, от Арденн на юге до Ла-Манша – на севере. Идея ее создания принадлежала военному министру А. Мажино. Фронтоник, искалеченный под Верденом, потерявший на войне

²² Annales de la Chambre des Députés. 12-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1920. T. I. Du 13 Janvier au 31 Mars. Paris, 1920, p. 89.

²³ Цит. по: *Tardieu A.* Le Slesvig et la paix. Paris, 1920, p. 252.

²⁴ *Белюсова З. С.* Начало гражданской войны в Испании и дипломатия Парижа. – Из истории Европы в новое и новейшее время. М., 1984, с. 194.

²⁵ Испанский историк Мельчор Фернандес Альмагро отмечал: «Очевидно, что и при дворе, и среди аристократии, и в армии господствовало герmanoфильство». – Война и общество в XX веке, кн. 1, с. 504.

²⁶ *Paul -Boncour J.* Entre deux guerres (Souvenirs sur la III-e République), t. II. Paris, 1946, p. 71.

²⁷ *Duroselle J. -B.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1993, p. 14.

четырёх сыновей, он старался любой ценой отделить Францию от Германии неприступным валом. Не только А. Мажино, но и значительное число правительственных чиновников и парламентариев, партийных лидеров и представителей военной верхушки усматривали в сооружении укреплений вдоль франко-германской границы и морского побережья (в общей сложности 1351 км) необходимую меру по предотвращению в будущем возможной агрессии с востока.

Уже в то время начала разрабатываться концепция «линии Мажино», названной по имени военного министра, инициатора ее создания. На севере она должна была доходить до стыка границ Франции, Бельгии и Люксембурга, на юге — до северных проходов горной гряды Юра. К концу 1930 -х годов было завершено сооружение 4-х укрепленных районов — Саарского, Метцского, Лаутерского и Бельфорского. На франко-бельгийской границе, длиной в 620 км был создан оборонительный рубеж из одной полосы. Строительство второй началось только накануне Второй мировой войны. Вдоль швейцарской границы (573 км) находились два укрепленных участка — «Алькирх» и «Юра». На границе с Италией протяженностью 484 км были возведены северный (в Савойских Альпах), центральный (в Прибрежных Альпах) и южный (в Приморских Альпах) укрепленные участки²⁸. Линия была оборудована и оснащена по последнему слову техники и военно-инженерного искусства. Однако по известным причинам (повторное в течение двух мировых войн вторжение немецких войск через территорию Бельгии, на границе с которой, ввиду ее союзнических отношений с Францией, укрепления не были возведены) отводившуюся ей роль она не сыграла.

Насколько скрупулезно относились во Франции к созданию безопасных границ с соседними странами, свидетельствуют драматические моменты в отношениях с Монако в конце войны. Кабинет Ж. Клемансо выразил протест против того, что членом правящей тут династии принца Альберта по закону о престолонаследии мог стать представитель немецкой ветви этой династии. Тем самым открывалась возможность приобретения монарших полномочий германским подданным. Как вероятность, это могло привести к установлению немецкого контроля над средиземноморским портом, который вклинивался вглубь французской территории. Инцидент завершился «рокировкой» в собственном семействе: по договору от 17 июля 1918 г., навязанному Парижем, принц Альберт объявил наследницей собственную дочь с пожалованием ей титула герцогини²⁹.

Таким образом, «германский вопрос» оставался основным в сфере обеспечения безопасности и после завершения войны. Вопрос этот превратился в краеугольный камень французской внешней политики и дипломатии. В широких слоях французского общества, вторая при жизни одного поколения война с Германией, воспринималась как наиболее кровопролитная и разрушительная. В этих обстоятельствах большую популярность возымел пропагандистский штамп войны 1914 г., как «последней войны», что предполагало, в первую очередь, снятие вопроса о германской угрозе. В соответствии с поставленными целями на первый план выдвигалось требование тотального разоружения Германии. Уже условиями перемирия предусматривалась передача союзникам в качестве трофеев военной техники, транспортных средств, амуниции. Однако главная цель заключалась в полной ликвидации военного производства, сухопутной армии, Генерального штаба, военно-морского флота, в том числе, подводного, тяжелой артиллерии, новейших видов вооружений, существенного ограничения численности

²⁸ *Truttmann Ph.* La ligne Maginot ou la Muraille de France. Paris, 1985; *Яковлев В. В.* Современная военно-инженерная подготовка восточной границы Франции. М., 1938.

²⁹ *Laroche J.* Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré. 1913—1926. Paris, 1957, p. 48.

офицерского корпуса и генералитета. В стратегическом плане, как средство достижения преимуществ над поверженным соперником, предусматривалось взимание весомых репараций, ослабление военно-экономического могущества Германии через установление контроля над ее важнейшими промышленными районами Руром и Сааром, Силезией, Кильским каналом. Кроме того готовились решения о лишении рейха колониальных владений³⁰.

Большое место в доктрине безопасности отводилось противодействию экспансии большевистской России и использованию с этой целью национальных движений славянских народов, возрождавших свою государственность на обломках Австро-Венгерской монархии.

Курс на создание безопасных границ, союзов на Западе и блока восточноевропейских государств под эгидой Франции рассматривался, прежде всего, как фактор противодействия угрозе со стороны Германии, потерпевшей поражение, но не отказавшейся от реванша, и Советской России.

Был еще один существенный момент, который превращал проблему в чрезвычайно опасную, – возможность сближения Германии с Советской Россией. Такая угроза возникла еще в разгар войны, вследствие заключения Брест-Литовского соглашения, а потом – подписания дополнительных договоров³¹. После прекращения военных действий осенью 1918 г. фактор германо-русских, точнее, германо-советских отношений приобрел противоречивый, угрожающий характер. Развертывание революции в Германии и провозглашение республики было воспринято во Франции неоднозначно. Вообще, революционная волна и социальные потрясения в Европе этого периода рассматривались как воздействие русского Октября 1917 г. В них усматривали вызов традиционному укладу и цивилизационным приобретениям Запада³².

В политических кругах Франции понимали, что революция в Германии, поразила вражескую страну. Она привела к ликвидации кайзеровского режима, господствовавшей милитаристской касты и способствовала утверждению республики и демократических институций. В начале января 1919 г. социал-демократическое правительство – Совет народных уполномоченных – пошел на разрыв дипломатических отношений с российским Совнаркомом. Причинами этой акции стали обвинения во вмешательстве во внутренние дела страны и антигосударственной пропаганде, призывы к свержению законно созданной в ходе революции демократической власти. В феврале рейхстаг утвердил Веймарскую конституцию, которая закрепляла демократический порядок. Все это вызывало сочувствующие отклики в левых кругах французского политикума.

Вместе с тем явный и тайный саботаж требований союзников правительствами и партиями веймарской коалиции и рейхсвером, порождал цепь недоразумений и способствовал сохранению настороженного отношения к новоиспеченной немецкой элите. Р. Пуанкаре, который в январе 1920 г. занял кресло председателя международной репарационной комиссии, выступил со специальным заявлением: «Еще не высохли чернила подписей (немецких руководителей. – Б. А.) под мирным договором, как начались витиеватая ложь, лицемерная кампания,

³⁰ См. *Renouvin P. Le Traité de Versailles*. Paris, 1969; *Ачкинази Б. А.* Американско-германские контакты по вопросам перемирия и реакция на них в политических кругах Франции (октябрь – ноябрь 1918 г.). – *Новая и новейшая история*, 2019, № 3, с. 33–47.

³¹ *Чичерин Г. В.* Доклад о русско-германских добавочных договорах на заседании ВЦИК. – *Статьи и речи по вопросам международной политики*. М., 1961, с. 62–66; *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* «Шлюссштайн». – *Вопросы истории*, 1993, № 11–12, с. 150–153.

³² *Anet C. La révolution russe*, vol. 1–2. Paris, 1918–1919; *Annoble E. La Révolution russe, une histoire française. Lectures et représentations depuis 1917*. Paris, 2016, p. 30–34, et d'autres.

направленная на то, чтобы освободить Германию от обязательств, которые только что были возложены на нее»³³.

В политических кругах Франции с большой тревогой и опасениями следили за деятельностью немецких правых и реваншистских сил. Бросается в глаза то, что в официальной пропаганде и прессе они, за редким исключением, не отделялись от основной массы немцев. Их позиция подавалась как такая, которая соответствует настроениям немецкого общества. Таким образом, ответственными за саботаж репарационных выплат, отказ от выполнения финансовых, военных и других статей Версальского договора объявлялись все немцы, вся немецкая нация. В лагере французских правых сил были распространены мнения, что немцы, практически целиком, остаются преданными «своим пангерманистским руководителям»³⁴. Правительство Франции видело опасность воздействия Германской революции на ситуацию в странах Запада, где нарастали массовые протесты и активизировалась деятельность радикальных левых элементов в социалистическом движении и профсоюзах. Беспокорство вызывали призывы левых в поддержку Германской революции, к интернациональной солидарности со «страной Советов», прекращению интервенции и использованию «русского примера» для ликвидации строя капиталистической эксплуатации³⁵. Ж. Клемансо и его окружение хорошо понимали также, что две пострадавшие от войны державы, как Германия и большевистская Россия, имеют веские основания для объединения сил в борьбе с победителями. В Париже серьезно опасались не только деятельности реваншистских сил, но и большевизации Германии, активизации тут коммунистических элементов, в первую очередь группы «Спартак», которая уже в декабре 1918 г. трансформировалась в компартию. Поэтому правые во Франции, значительная часть умеренных (радикалы, республиканские социалисты) и даже «министерялы» СФИО усматривали в событиях Ноябрьской революции тревожный фактор угрозы. Сохранялось опасение противоестественного оформления в Германии симбиоза большевизма и реваншизма, т.е. сделки социал-демократии, рейхсвера, магнатов индустрии и кайзеровских чиновников с большевистскими лидерами России на почве противостояния версальским решениям. Отражая такие настроения, генерал А. Вальтер призывал на страницах влиятельной «Матен»: «Настало время покончить с немецко-большевистской опасностью молниеносным ударом»³⁶.

Русская революция резко изменила ситуацию в лагере Антанты. Из союзника, который в августе 1914 г. спас Францию от разгрома и на протяжении всей войны оттягивал на Восточный фронт до 100–114 немецких и австрийских дивизий, Россия превратилась после октября 1917 г. в серьезный фактор угрозы.

В правящих кругах Франции последнее обстоятельство вызывало повышенную тревогу, поскольку с конца XIX в. франко-русский союз определял доминанту национальной внешнеполитической стратегии. Разрыв отношений с большевистским Совнаркомом после подписания последним Брестского мира с немцами 3 марта 1918 г., оборвал традиционные связи и обусловил крайне враждебные акции французской стороны в отношении прежнего союзника. События революции и Гражданской войны в России интерпретировались под воздействием

³³ Poincaré R. Histoire politique. Chronique de Quinzaine. 15 Mars—1 Septembre 1920. Paris, 1920, p. 8–9.

³⁴ Honnorat A. La sécurité de la France. Textes et documents. Paris, 1923, p. 34.

³⁵ La Revue communiste, 1920, № 1, p. 3.

³⁶ Le Matin, 18.III.1919.

происшедшей перемены. Правительство «отца победы» Ж. Клемансо выступило основным протагонистом интервенции против большевистского режима.

Гражданская война, вспыхнувшая на огромной территории бывшей империи, получила резонансный отклик в европейском мире. Изуверские проявления «белого» и «красного» террора воспринимались в одном ключе с массовым кровопролитием мировой войны. Некогда необъятная континентальная империя и республика недолговечного правления Временного правительства, фактически распалась на десятки национальных и территориальных образований, с которыми французские эмиссары вступали в контакт.

Фактор угрозы реально ощущался во Франции, где нашли убежище сотни тысяч эмигрантов из России, являвшихся живыми свидетелями большевистского террора. С другой стороны, в стране легально создавались партии и группы, ориентировавшиеся на большевистский опыт. В этой связи публицист Ж. Эмель резонно отмечал, что «Русская революция – это реальность, с которой надо считаться»³⁷. А один из бытописателей послевоенного времени Ж. Жийемино, повествуя о социальных потрясениях этой поры, использовал пугавший обывателя образ: «Вся Европа охвачена пожаром революций»³⁸.

В ходе работы Парижской мирной конференции в феврале 1919 г. маршал Ф. Фош как член французской делегации представил меморандум касательно русской проблемы, весьма сложной и неоднозначной. В том числе в нем предлагалось организовать из соседних с Россией стран коалицию для борьбы против ее большевистских правителей. Среди участников коалиции назывались Финляндия, Польша, Чехословакия, а также Румыния и даже Греция³⁹. Такие выкладки объяснялись стремлением пресечь возможное продвижение советских войск в западном направлении. Э. Сулье, докладчик правой фракции «республиканского и социального действия», в этом же контексте настаивал в палате на необходимости создания в кратчайшие сроки «коалиции малых стран», располагавшихся на границах России, которые бы «прислушивались к голосу Франции». Он обосновывал это угрозой со стороны «Советов», а также тем, что Франция имела в этом регионе «собственные интересы». Такую политику относительно «малых наций» Сулье рассматривал в контексте решения русского вопроса. По его мнению, решение должно было осуществляться по аналогии с германским вопросом, когда за счет части немецкой территории удовлетворили требования Дании, Бельгии, Голландии, Польши, Чехословакии⁴⁰.

Наряду с этим предусматривалась поддержка «здоровых сил» – проантантовских формирований Белого движения и антибольшевистской оппозиции внутри самого российского общества. Ж. Клемансо, по свидетельству его секретаря генерала Мордака, подчеркивал: «Мы продолжим выполнение своих обязательств до конца. Мы не оставим наших союзников. И пока я буду при власти, мы никогда не пойдем на сделку с советским правительством, которое ни в коей мере не представляет русский народ и является одним из наиболее варварских в истории»⁴¹.

Неприятие Советской России правящими кругами Франции и других западных стран обуславливалось рядом причин. Среди них – осуждение идеологии большевизма с позиций защиты демократии, свобод, частной собственности

³⁷ Aimel G. Op. cit., p. 56.

³⁸ Guilleminau G. Les années folles. Paris, 1977, p. 5.

³⁹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 1. М., 1957, с. 337.

⁴⁰ Annales de la Chambre des Députés. 12-me législature. Débats parlementaire. Session ordinaire de 1920, t. I. Paris, 1920, p. 92.

⁴¹ Général Mordaq. Le Ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. T. IV. Juillet 1919 – Janvier 1920. Paris, 1931, p. 172.

и т.д. Правительственный полуофициоз «Тан» («Время») свидетельствовал: «Большевизм — это режим диктатуры и войны... Большевизм распространяется как лесной пожар»⁴². Один из биографов Клемансо П. Доминик объяснял враждебное отношение «отца победы» к большевизму и Русской революции его демократическими убеждениями: «Клемансо в 1919 г. — это не только человек реванша; более чем когда-либо он радикал, либерал, что делало его концептуальным противником социалистической Октябрьской революции». Еще до того, как Германия признала поражение, он «внимательно следил за другим противником, над которым также стремился одержать победу — за советским миром»⁴³.

Пока продолжались военные действия с немцами, французское правительство пыталось прагматично варьировать тактику. Так, во время кризиса советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске в феврале 1918 г., французские дипломаты и военные специалисты, предлагали свою помощь советскому правительству при условии, что оно согласится на возобновление военных действий против немцев⁴⁴.

Современными авторами отмечается, что надежды сохранить Россию как боеспособную союзническую силу, начали улетучиваться уже весной — летом 1917 г., после Февральской революции и были связаны с дезорганизацией армии и провалом июньского наступления⁴⁵. Однако даже в разгар антисоветских кампаний 1917–1920-х годов во Франции не отказывались от сближения с Россией и возобновления с нею союзнических отношений, к чему подталкивала и реальная ситуация, связанная с нараставшим германским саботажем выполнения условий Компьенского перемирия и Версальского мирного договора, подписанного 28 мая 1919 г. Однако в изменившихся обстоятельствах главная ставка делалась на те силы в российском политикуме, армии и обществе, которые сохраняли лояльность союзническим обязательствам.

Восприятие русского вопроса после окончания войны в условиях начавшегося передела мира оставалось далеко не однозначным, породив сильнейшую агитацию во французском обществе. Одним из интереснейших документов, связанным с создавшейся ситуацией, стал объемистый сборник материалов, изданных Комитетом сенатора Ж. Изуле под красноречивым названием «*Sans Russie, pas de France!*» («Без России нет Франции!»). Документ этот, плоть от плоти своего времени, позволяет лучше уяснить роль и значение франко-русского союза в Первой мировой войне и отношение к нему в политических и общественных кругах Франции после ее окончания.

В историографии достаточно подробно исследовались перипетии формирования русско-французского союза и его функционирования в условиях военного противостояния с Германией в 1914–1918 гг.⁴⁶ Однако вопрос, связанный с попытками реанимации отношений с Россией после окончания войны, что

⁴² *Le Temps*, 18.III.1919.

⁴³ *Dominique P. Clemenceau*. Paris, 1963, p. 267–268.

⁴⁴ Архив внешней политики РФ, ф. 136, оп. 2, д. 1, л. 5. См. также: *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). М., 1990, с. 203, 204, 207.

⁴⁵ См. *Павлов А. Ю.* Проблема сохранения Русского фронта в деятельности французского Верховного командования 1917 — 1918 гг. — Первая мировая война — пролог XX века. М., 2014; *Бабинцев В. А., Галкина Ю. М.* «Декрет о мире» и его последствия в восприятии сотрудниками французской военной миссии в России. — 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016; *Магадеев И. Э.* Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов. — Новая и новейшая история, 2017, № 6.

⁴⁶ *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975; *Корляков А., Горюхов Ж.* Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. 1916 — 1918. Альбом. Москва — Париж, 2003.

нашло отражение в самой публикации сборника, его содержании и названии, практически остается не изученным.

С конца XIX в., опираясь на союз с Россией, правящие круги республиканской Франции стремились взять реванш за проигранную франко-прусскую войну и устранить веками нависавшую над страной германскую угрозу. В свою очередь Россия пыталась с помощью Франции укрепить влияние на Балканах, Ближнем Востоке и решить проблему Проливов. Завуалировано и открыто эти расчеты получили взаимное признание и стали неотъемлемым элементом политики и дипломатии двух стран в составе Антанты в годы войны. В 1916 г. русское командование отправило во Францию экспедиционный корпус, в составе двух бригад (около 20 тыс. человек), соединения которого принимали участие в защите региона Шампань – Арденны, где проявили себя в сражениях под Курси, Реймсом, на реке Сомме и на реке Эн. Более 5 тыс. воинов корпуса нашли упокой во французской земле⁴⁷.

События Русской революции 1917 г. разорвали узы сотрудничества двух держав. Подписание большевистским Совнаркомом во главе с В. И. Лениным 3 марта 1918 г., в разгар сражений на Западном фронте, Брест-Литовского мирного договора со странами австро-германской коалиции, было расценено во Франции как «нарушение союзнического долга», «предательство» и сепаратная сделка с врагом.

В стране развернулись массированные антироссийские и антибольшевистские кампании, которые приобрели гипертрофический характер в ходе подготовки и проведения первых послевоенных выборов в октябре – ноябре 1919 г. В этой связи представляют интерес наблюдения, сделанные социал-демократом В. Таратутой, возвратившимся в 1919 г. на родину после 12-летней эмиграции во Франции. В своем выступлении на пленуме Московского совета он, в частности, отмечал «ложь буржуазной пропаганды», которая «довела некоторую часть французского общественного мнения до того, что там начинают с презрением говорить обо всем, что касается России, о прошлом России, о русской морали, о русском искусстве»⁴⁸.

В этот период и появился вышеозначенный сборник, в котором излагались подходы к решению «русского вопроса» той частью политических и общественных деятелей Франции, которые справедливо полагали, что победа в войне не устранила опасности внутренних и внешних вызовов, и не обеспечила страну гарантиями безопасности. По этой причине возрождение русско-французского сотрудничества рассматривалось в качестве эффективного средства упрочения позиций страны, как в лагере союзников, так и в отношениях с поверженным, но не смирившимся с поражением врагом.

Длительное время сборник находился вне поля зрения исследователей, поэтому есть смысл проанализировать его содержание и охарактеризовать основные идеи, в нем изложенные. Прежде всего, о составителе и авторе сборника. Им являлся сенатор Жан Бернар Жоакен Изуле (1854–1929), профессор социальной философии Коллежа де Франса. В разгар кампаний против большевистской России, Ж. Изуле был создан общественный комитет (Комитет Изуле), в который вошли известные политики, ученые, писатели, служащие, управляющие, профсоюзные активисты, деятели культуры, разделявшие мысль о сохранении России в качестве важного союзника Франции в новых, изменившихся обстоятельствах. В 1920 г. на средства Комитета был издан вышеупомянутый сборник. Структурно он подразделялся на две части. В первую вошли шесть статей о России, опубликованные с июля по октябрь

⁴⁷ Франция – Россия, 1914 – 1918: от альянса к сотрудничеству. Ред. А. Урядова, З. Ариньон. Москва – Париж, 2015.

⁴⁸ Таратута В. Положение во Франции (доклад, прочитанный на пленуме Московского совета Рабочих и Крестьянских депутатов). М., 1919, с. 9.

1919 г. в периодических изданиях. Во вторую — такое же количество различных документов (фрагменты из книг, статей, интервью, а также воззвания и листовки), принадлежавшие деятелям «из области политики, прессы, литературы, армии, университетской профессуры — чьи позиции совпадали с тезисами автора». В предисловии Ж. Изуле изложил три главных постулата, которые целесообразно привести в его собственной редакции: «1. Нет, истинная Россия не предавала Францию! 2. Нет, истинная Франция не отвергала Россию! 3. Франция и Россия не будут столь слепы, чтобы оставаться разьединенными перед угрозой уничтожения»⁴⁹.

Для обоснования действенности франко-русского союза, Ж. Изуле постоянно апеллирует к несомненным заслугам России в войне, указывая, что своими «победами на Изере и под Верденом... Франция обязана России». Отсюда вытекал следующий тезис автора: «Чтоб сломить Россию и русскую армию, а также освободиться от бремени Восточного фронта, Германия поощряла большевизм в России, т.е. анархию и пораженческие настроения; в результате русская армия окончательно ликвидирована, а царь Николай — убит»⁵⁰.

Ж. Изуле дает отповедь тем сторонникам антироссийских кампаний, которые доказывали, что «союз с Россией не сыграл никакой роли в войне, и что Россия нас предала». Считая такие утверждения «голословным обвинением», он заявляет: «все было как раз наоборот». «Россия сохраняла верность до конца и прежде, чем сама стала жертвой предательства, она трижды смогла прийти нам на помощь». Отвернувшись же от Франции, Россия оказалась «под немецким сапогом» и речь теперь идет о помощи ей⁵¹.

Далее в материалах Изуле излагалась распространенная на Западе версия, что «большевизм импортирован в Россию» Германией, но его приверженцами являются «лишь немногочисленные представители русской нации», а «преобладающая часть подвергается террористическому насилию». Он указывал на сохраняющиеся в русском обществе «здоровые силы», такие как «Деникин и Колчак», в поддержку которых призвал выступить своих приверженцев. Ученый и политик констатировал, что «история России на этом не заканчивается» и «России предстоит еще сыграть великую роль в мировом сообществе»⁵².

Наряду с другими прагматичными политиками Запада Ж. Изуле предупреждал о наличии реальной опасности — объединения русского большевизма с германским милитаризмом. Обращаясь к правительству, народу, парламентариям и общественности, он заявлял: «Огромнейшим несчастьем станет объединение немцев с русскими большевиками и только от Вас зависит предотвратить разрастание леса штыков от Рейна до Урала... Весь мир содрогнется от кровавого удара, к которому окажется причастной и несчастная Россия»⁵³.

Он оспаривал мнение тех, кто доказывал, что «хаос» в России принимает затяжной характер, и страна еще долго будет охвачена революционным насилием. Оставаясь непримиримым врагом большевизма и апеллируя в то же время, к традициям Франции, сенатор писал, что революция остается «священным правом каждого народа, борющегося за создание такой конституции, которая соответствует его устремлениям», оговаривая при этом недопустимость вмешательства из-за границы. Тем не менее, по логике автора, идеалы Французской революции, ее борьба против союзнических коалиций никак не противоречили прокламируемой им

⁴⁹ *Izoulet J. Sans Russie, pas de France Paris, 1920, p. 3.*

⁵⁰ *Ibid.*, p. 8–9.

⁵¹ *Ibid.*, p. 9.

⁵² *Ibid.*, p. 11.

⁵³ *Ibidem.*

помощи «здоровым силам» в России⁵⁴, что также было характерно для настроений французского общественного мнения, изначально противопоставлявшего идеалы и цели 1789 г. узурпации власти большевиками в 1917 г.

Ж. Изуле, использовал, вместе с тем, многочисленные доводы в обоснование мысли о необходимости сохранения России как желательного, доказавшего свою верность в годы войны союзника, весьма необходимого в сложившейся ситуации. Безусловно, при анализе сборника в глаза бросаются натяжки и преувеличения. Вместе с тем, материалы Ж. Изуле достаточно рельефно передают ощущение ситуации, как она воспринималась в 1919 г. в политических и общественных кругах Франции, еще не отошедших от угара победы, но уже столкнувшимися с вызовами послевоенного мира, прежде всего неповиновением Германии.

В заключение Ж. Изуле, суммируя приведенные аргументы, делает вывод о «жизненной необходимости франко-русского союза» и в послевоенный период. В обстановке полыхавшей в России Гражданской войны, реальными силами, способными восстановить такой союз являлись для него и его сторонников руководители Белого движения – Деникин, Юденич, Колчак, к увеличению помощи которым он призывал⁵⁵.

Кабинет Ж. Клемансо и правые партии, на которые Ж. Изуле опирался, прилагали немало усилий, чтоб сплотить и консолидировать разношерстную и пеструю антибольшевистскую оппозицию в России. Противники советской власти использовали такую линию официальной Франции, чтобы изменить ситуацию в стране в свою пользу. Французские представители в Петрограде, Москве, Вологде, Киеве, Одессе, Яссах с помощью российской контрреволюции, активно пытались реализовать цели, преследовавшиеся Парижем. Одной из главных было сохранение стратегического контроля над чрезвычайно важным для национальной безопасности восточноевропейским регионом. Суждения по этому поводу были изложены французскими парламентариями в ходе ожесточенных дебатов по вопросам внешней политики и безопасности весной 1919 г.

Значительный отклик в политических и общественных кругах вызвали выступления одного из лидеров парламентской фракции «республиканско-демократического согласия» Р. Шапделена. Он, в частности, связал русский вопрос с проблемами достижения равновесия в Европе. Возможность этого, по его мнению, существовала лишь при условии «восстановления России, ввергнутую в кровавую анархию». Он отметил, что «мира в Европе не будет так долго, пока в России будет сохраняться власть большевиков». Далее докладчиком был озвучен тезис, который встретил одобрение на разных скамьях палаты депутатов. Он заявил: «Мы не добьемся всеобъемлющей безопасности, пока союз с двумя великими морскими державами (имелись в виду Великобритания и США. — Б. А.) вы не дополните союзом с Россией, возрожденной на федеральной основе, но такой же великой и сильной, как ранее». Новацией здесь было то, что Р. Шапделен высказывался в пользу превращения России из имперской, в федеративную державу. Принцип федеративного устройства, который пропагандировался французскими политиками, рассматривался как легитимный на основе того, что был провозглашен на единственном заседании российского Учредительного собрания, разогнанного большевиками в ночь на 6 января 1918 г.⁵⁶

⁵⁴ Ibid., p. 15.

⁵⁵ Ibid., p. 35–36.

⁵⁶ Всероссийское Учредительное Собрание. Первый и единственный день его занятий 5–6 янв. 1918 г. Перепечатка стенографического отчета, сделанного по распоряжению Председателя Учредительного Собрания. Одесса, 1918. Репринтное воспроизведение издания 1918 г. Киев, 1991, с. 13.

Р. Шапделен обратил внимание на то, как русский вопрос отражен в тексте Версальского мирного договора. Он указал, что тут России отведено всего лишь две статьи. Первая содержит обязательства Германии «уважать независимость тех территорий, которые входили в состав бывшей Российской империи на 1 августа 1914 г.». Вторая – аннулирует Брест-Литовский и другие договоры, соглашения и конвенции между Германией и «правительством максималистов»⁵⁷.

Оратор выразил сожаление, что представителям тех, «кого принято считать официальной Россией, кто остается нашими друзьями и союзниками, не было позволено принять участие в работе конференции». По этой причине, «пожелания России не были достаточно представлены» на этом всемирном форуме, а «договор не удовлетворяет интересы России, не обеспечивает их ни в стратегических гарантиях западных границ с Польшей и Финляндией, ни в политическом, ни в материальном, экономическом, правовом, дипломатическом аспектах». Он выступил против тех, кто считал, что вследствие французской победы в войне, уже нет потребности в союзе с Россией. Шапделен доказывал, если Антанта и, особенно, Франция оставят Россию ее «несчастливой доле», тогда «мы рискуем не только потерять нашего союзника, но не исключено, увидеть его в ближайшее время в объятиях Германии». Вот тогда, заметил он, следует подумать, как же сложится наша судьба в Европе? В таком случае, делал вывод докладчик, мы окажемся перед угрозой создания «новой коалиции, направленной против нас: германо-русского союза, насчитывающего 250 млн человек»⁵⁸.

На это же обратил внимание и депутат Демократического альянса А. Реберти. При этом он отметил: «Мы совсем не забыли 1875 год, когда ее (России. – Б. А.) выступление спасло Францию... Мы не забыли славные времена франко-русского союза, который являлся гарантом мира и противовеса немецкой угрозе». Реберти напомнил о помощи, которую Россия оказала Франции в войне, особенно своими действиями в Восточной Пруссии в августе 1914 г. Коснувшись ситуации, сложившейся в России после 1917 г., он подчеркнул: «Мы от души желаем, чтобы она выправилась и чтобы страна заняла свое место в семье наций, место друга и союзника». Вместе с тем докладчик высказал глубокую обеспокоенность будущим России. Он также указал на возможное сближение большевистской России с Германией, исходя из того, что «Пруссия и Россия были союзниками в XVIII в.» В заключение, он призвал: «Необходимо, чтобы великие демократические нации, такие как Великобритания, США, Франция направили свои усилия на оказание помощи России в ее национальном возрождении. Однако Германия имеет для этого лучшие геополитические возможности, к тому же она потеряла свои колонии». Он высказал тревогу по поводу того, что Россия «отворит для нее свои двери в качестве огромной колонии с неограниченными ресурсами». В этой связи Реберти поставил вопрос о ситуации, которая может сложиться уже в недалеком будущем, если Германии удастся «установить контроль над Россией». В этом случае, отметил он, развитие событий с неизбежностью приобретет угрожающий характер: «Германия и Россия – две мощнейших державы, которые проиграли войну. Они стремятся к сближению для того, чтобы добиться тотального реванша»⁵⁹.

Противоречивость ситуации, сложившейся во Франции после победы над Германией в Первой мировой войне, заключалась в неустранимости потенциаль-

⁵⁷ Annales de la Chambre des Députés. 11 législature. Session ordinaire de 1919. Tome unique. Troisième partie. Paris, 1920, p. 3610.

⁵⁸ Ibid., p. 3611.

⁵⁹ Ibid., p. 3615–3616.

ной угрозы реванша с ее стороны. Уже в первые месяцы по окончании военных действий в период подготовки, заключения и ратификации перемирия и мирного (Версальского) договора (ноябрь 1918 – октябрь 1919 г.), рельефно выявились тенденции их нарушения и саботажа как со стороны кайзеровско-милитаристских сил, так и официальных кругов и партий веймарской коалиции, утвердившихся у власти в результате Ноябрьской революции 1918 г.

В свою очередь антисоветская направленность создававшейся Версальской системы, обусловила непризнание ее советскими властями. Это создавало объективные предпосылки для сближения потерпевшей поражение Германии и большевистской России, что было воспринято в правящих и политических кругах Франции как фактор германо-большевистской угрозы, направленный против французских планов послевоенного переустройства и обеспечения национальной безопасности. Вокруг германского и русского вопросов, являвшихся стержневыми для безопасности страны, развернулась острая политическая борьба, ставшая отправной точкой перманентной внутренней конфронтации, так и не нашедший разрешения в межвоенный период, несмотря на предпринимавшиеся усилия в этом направлении.

Расхождения относительно путей и методов обеспечения безопасности определялось несовпадением основополагающих доктрин, которыми руководствовались политические силы Франции: национализм правых, усиливших свои позиции в годы войны сталкивался с «интернационализмом» центристских группировок, тогда как зарождавшееся в этот период мировое коммунистическое движение и ФКП, как его часть, проповедовали идеи «пролетарского интернационализма», отрицавшего и клеймившего любые «буржуазные» методы послевоенного урегулирования.

В обстановке напряженной внутриполитической борьбы животрепещущий германский вопрос связывался, прежде всего, с неукоснительным выполнением всех статей и пунктов Версальского мирного договора.

Опасение угрозы со стороны Германии и большевистской России в этот период являлось всеохватывающим. Во Франции хорошо понимали, что Германия, побежденная и подчиненная, может стать добычей мирового коммунизма или же откровенно реваншистских сил. Революционные события 1918–1919 гг., потом потрясения в связи с монархическими, коммунистическими и нацистскими путчами 1920–1923 гг. делали обстановку в Веймарской республике неопределенной и угрожающей. Такое развитие событий не оставляло шансов надеяться на выполнение ею обязательств по версальским решениям.

В свою очередь настроения, проявлявшиеся в политических и общественных кругах Франции относительно возобновления сотрудничества и союза с Россией по мере утверждения здесь большевистского правления, испарялись. Акценты смещались в сторону сохранения антантофильской ориентации и образования восточноевропейского блока (Малой Антанты), как противовеса германской и большевистской угрозе.

Перманентная борьба по этим вопросам, продолжавшаяся в течение всего межвоенного периода, в рамках Версальской системы не имела шансов завершиться даже хрупким консенсусом, что роковым образом отразилось на судьбе Франции и Третьей республики в годы Второй мировой войны.

Библиография

Ачкинази Б. А. Американско-германские контакты по вопросам перемирия и реакция на них в политических кругах Франции (октябрь – ноябрь 1918 г.). – Новая и новейшая история, 2019, № 3, с. 33–47.

Ачкинази Б. А. Версальский мир и борьба партий во Франции в 1919 году. — Французский ежегодник. 1986. М., 1988, с. 27–53.

Бабинцев В. А., Галкина Ю. М. «Декрет о мире» и его последствия в восприятии сотрудниками французской военной миссии в России. — 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016, с. 140–154.

Белушова З. С. Начало гражданской войны в Испании и дипломатия Парижа. — Из истории Европы в новое и новейшее время. М., 1984, с. 184–198.

Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. (анализ англо-французских отношений в период создания и проведения в жизнь Версальского договора). М., 1945.

Добиаш-Рождественская О. А. Впечатления академического Парижа. — *Анналы*, 1922, № 1, с. 39–48.

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

Корляков А., Горохов Ж. Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. 1916–1918. Альбом. Москва — Париж, 2003.

Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 1. М., 1957.

Магадеев И. Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов. — *Новая и новейшая история*, 2017, № 6, с. 29–53.

Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975.

Павлов А. Ю. Проблема сохранения Русского фронта в деятельности французского Верховного командования 1917–1918 гг. — *Первая мировая война — пролог XX века*. М., 2014, с. 129–145.

Пуанкаре Р. На службе Франции 1915–1916: воспоминания. Москва — Минск, 2002.

Ревякин А. В. Французский национализм и Первая мировая война. — *Война и общество в XX веке*, в 3-х кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008, с. 235–236.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. «Шлюссштайн». — *Вопросы истории*, 1993, № 11, с. 150–153.

Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). М., 1990.

Таратута В. Положение во Франции (Доклад, прочитанный на пленуме Московского совета Рабочих и Крестьянских депутатов). М., 1919.

Франция — Россия, 1914–1918: от альянса к сотрудничеству. Ред. А. Урядова, З. Арриньон. Москва — Париж, 2015.

Чичерин Г. В. Доклад о русско-германских добавочных договорах на заседании ВЦИК. —

Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 62–66.

Яковлев В. В. Современная военно-инженерная подготовка восточной границы Франции. М., 1938.

Aimel G. La politique et le réel. Paris, 1923.

Ancel J. Affaires étrangères. (Aide-mémoire de la politique française. 1789–1936). Paris, 1936.

Anet C. La révolution russe, t. 1-2. Paris, 1918 — 1919.

Annales de la Chambre des Députés. 11 législature. Session ordinaire de 1919. Tome unique. Troisième partie. Paris, 1920.

Annales de la Chambre des Députés. 12-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1920. T. I. Du 13 Janvier au 31 Mars. Paris, 1920.

Annoble E. La Revolution russe, une histoire française. Lectures et representations depuis 1917. Paris, 2016.

Bariety J. Les relations franco-allemandes après la Première guerre mondiale (10 novembre 1918 — 10 janvier 1925 de l'Execution à la Négociation). Paris, 1977.

Barrès M. L'Ame française et la Guerre, t. 1–3. Paris, 1915 — 1918.

Barros J. The United Nations. Past, Present and Future. New York, 1972.

Beau de Lomenie E. Le débat de ratification du Traité de Versailles à la Chambre des Députés et dans la presse en 1919. Paris, 1945.

Bourgeois L. Les raisons de craindre et les raisons d'esperer (La motion sur la deuxième asssemblée de la Société des Nations à Genève). — *Bourgeois L.* L'Oeuvre de la Société des Nations (1920–1923). Paris, 1923, p. 96–107.

Cornillau R. De Waldeck-Rousseau à Poincaré. Chronique d'une génération (1898–1924). Paris, 1926.

- Dominique P. Clemenceau.* Paris, 1963.
Droz J. Histoire de l'Allemagne. Paris, 1997.
Duroselle J. -B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1993.
Duroselle J. -B. La politique extérieure de la France de 1914 à 1945. Fascicule I. Paris, 1965.
Général Mordaç. Le Ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. T. IV. Juillet 1919—Janvier 1920. Paris, 1931.
Gide Ch., Oualid W. Le bilan de la guerre pour la France. Paris — New Haven, 1931.
Guilleminau G. Les années folles. Paris, 1977.
 Histoire générale des civilisations (publié sous la dir. de Maurice Crouzet). T. VII. L'Époque contemporaine (A la recherche d'une civilisation nouvelle) par Maurice Crouzet. Paris, 1957.
Honorat A. La sécurité de la France. Textes et documents. Paris, 1923.
Izoulet J. Sans Russie, pas de France. Paris, 1920.
Laroche J. Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré. 1913—1926. Paris, 1957.
Mayer F. J. Political Origins of the New Diplomacy, 1917-1918. New Haven, 1959.
Paul -Boncour J. Entre deux guerres (Souvenirs sur la III-e République), t. II. Paris, 1946.
Poincaré R. Histoire politique. Chronique de Quinzaine. 15 Mars—1 Septembre 1920. Paris, 1920.
Rajsfus M. De la Victoire à la débâcle (juin 1919 — juin 1940). Paris, 2000.
Renouvin P. Le Traité de Versailles. Paris, 1969.
Tardieu A. Le Slesvig et la paix. Paris, 1920.
Trutmenn Ph. La ligne Maginot ou la Muraille de France. Paris, 1985.

References

- Achkinazi B. A.* Amerikano-germanskiye kontakty po voprosam peremiriya i reaktsiya na nikh v politicheskikh krugakh Frantsii (oktyabr' — noyabr' 1918 g.). — Novaya i noveyshaya istoriya [American-German contacts on ceasefire issues and reaction to them in the political circles of France (October — November 1918). — Modern and Contemporary History], 2019, № 3, p. 33—47. (In Russ.)
- Achkinazi B. A.* Versal'skiy mir i bor'ba partiy vo Frantsii v 1919 godu. — Francuzskiy Egegodnik 1986 [The Versailles Peace and the Struggle of Parties in France in 1919. — French Yearbook. 1986]. Moscow, 1988, p. 27—53. (In Russ.)
- Babintsev V. A., Galkina Yu. M.* «Dekret o mire» i yego posledstviya v vospriyatii sotrudnikami frantsuzskoy voyennoy missii v Rossii. — 1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktika [“Decree on Peace” and its consequences in the perception of the French military mission in Russia by employees. — 1917 in Russia: socialist idea, revolutionary mythology and practice]. Ekaterinburg, 2016, p. 140-154. (In Russ.)
- Belousova Z. S.* Nachalo grazhdanskoy voyny v Ispanii i diplomatiya Parizha. — Iz istorii Yevropy v novoye i noveysheye vremena [The beginning of the civil war in Spain and the diplomacy of Paris. — From the history of Europe in modern and recent times]. Moscow, 1984, p. 184—198. (In Russ.)
- Chicherin G. V.* Doklad o russko-germanskikh dobavochnykh dogovorakh na zasedanii VTSIK. — *Chicherin G. V.* Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoy politiki [Report on Russian-German supplementary agreements at a meeting of the All-Russian Central Executive Committee. — *Chicherin G. V.* Articles and speeches on international politics]. Moscow, 1961, p. 62—66. (In Russ.)
- Dobiash -Rozhdestvenskaya O. A.* Vpechatleniya akademicheskogo Parizha. — Annaly [Impressions of Academic Paris. — Annals], 1922, № 1, p. 39—48. (In Russ.)
- Frantsiya — Rossiya, 1914—1918: ot al'yansa k sotrudnichestvu Red. A. Uriadova, Z. Arrin'on [France — Russia, 1914—1918: From the Alliance to Cooperation. Ed. by A. Uryadova, Z. Arrignon]. Moscow — Paris, 2015. (In Russ.)
- Jordan V. M.* Velikobritaniya, Frantsiya i germanskaya problema v 1918—1939 gg. (analiz anglo-frantsuzskikh otnosheniy v period sozdaniya i provedeniya v zhizn' Versal'skogo dogovora) [Great Britain, France and the German Problem in 1918—1939 (Analysis of Anglo-French Relations during the creation and implementation of the Treaty of Versailles)]. Moscow, 1945. (In Russ.)
- Kissinger H.* Diplomatiya [Diplomacy]. Moscow, 1997. (In Russ.)

Korlyakov A., Gorokhov Zh. Russkiy ekspeditsionnyy korpus vo Frantsii i Salonikakh. 1916 – 1918. Al'bom [Russian Expeditionary Force in France and Thessaloniki. 1916–1918. Album]. Moscow – Paris, 2003. (In Russ.)

Lloyd George D. Pravda o mirnykh dogovorakh [The Truth About Peace Treaties], t. 1. Moscow, 1957. (In Russ.)

Magadeyev I. E. Vostochnyy front v 1917 godu i perspektivy rossiyskoy armii v otsenkakh frantsuzskikh voyennykh ekspertov. – Novaya i noveyshaya istoriya [The Eastern Front in 1917 and the Prospects of the Russian Army in the Estimates of French Military Experts. – Modern and Contemporary History], 2017, № 6, p. 29–53. (In Russ.)

Manfred A. Z. Obrazovaniye rusско-frantsuzskogo soyuza [The Formation of the Russian French Union]. Moscow, 1975. (In Russ.)

Pavlov A. Yu. Problema sokhraneniya Russkogo fronta v deyatelnosti frantsuzskogo Verkhovnogo komandovaniya 1917–1918 gg. – Pervaia mirovaia voina – prolog XX veka. [The problem of maintaining the Russian front in the activities of the French High Command 1917–1918 – The First World War is a Prologue of the 20th Century]. Moscow, 2014, p. 129–145. (In Russ.)

Poincare P. Na sluzhbe Frantsii 1915–1916. Vospominaniya [In the service of France 1915–1916. Memoirs]. Moscow – Minsk, 2002. (In Russ.)

Revyakin A. V. Frantsuzskiy natsionalizm i Pervaya mirovaya voyna. – Voyna i obshchestvo v XX veke, v 3-kh kn. Kn.1. Voyna i obshchestvo nakanune i v period Pervoy mirovoy voyny [French Nationalism and the First World War. – War and society in the 20th Century, in 3 vols. Vol. 1. War and society on the eve and during the First World War]. Moscow, 2008, p. 235–236. (In Russ.)

Rupasov A. I., Chistikov A. N. «Shlyusshtayn». – Voprosy istorii [«Schlusstein». – Questions of History], 1993, № 11, p. 150–153. (In Russ.)

Sadul J. Zapiski o bol'shevistskoy revolyutsii (oktyabr' 1917 – yanvar' 1919) [Notes on the Bolshevik Revolution (October 1917 – January 1919)]. Moscow, 1990. (In Russ.)

Taratuta V. Polozheniye vo Frantsii (Doklad, prochitannyy na plenumе Moskovskogo soveta Rabochikh i Krest'yanskikh deputatov) [The Situation in France (Report, Read at the Plenum of the Moscow Council of Workers and Peasants' Deputies)]. Moscow, 1919. (In Russ.)

Yakovlev V. V. Sovremennaya voyenno-inzhenernaya podgotovka vostochnoy granitsy Frantsii [Modern Military Engineering Training of the Eastern Border of France]. Moscow, 1938. (In Russ.)

Aimel G. La politique et le réel. Paris, 1923.

Anel J. Affaires étrangères. (Aide-mémoire de la politique française. 1789 – 1936). Paris, 1936.

Anet C. La révolution russe, vol. 1–2. Paris, 1918–1919.

Annales de la Chambre des Députés. 11 législature. Session ordinaire de 1919. Tome unique. Troisième partie. Paris, 1920.

Annales de la Chambre des Députés. 12-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1920. Tome I. Du 13 Janvier au 31 Mars. Paris, 1920.

Annoble E. La Revolution russe, une histoire française. Lectures et representations depuis 1917. Paris, 2016.

Bariety J. Les relations franco-allemandes après la Première guerre mondiale (10 novembre 1918 – 10 janvier 1925 de l'Execution à la Négociation). Paris, 1977, p. XV.

Barrès M. L'Ame française et la Guerre, t. 1–3. Paris, 1915–1918.

Barros J. The United Nations. Past, Present and Future. New York, 1972.

Beau de Lomenie E. Le débat de ratification du Traité de Versailles à la Chambre des Députés et dans la presse en 1919. Paris, 1945.

Bourgeois L. Les raisons de craindre et les raisons d'esperer (La motion sur la deuxième assemblée de la Société des Nations à Genève. – *Bourgeois L.* L'Oeuvre de la Société des Nations (1920–1923). Paris, 1923.

Cornillau R. De Waldeck-Rousseau à Poincaré. Chronique d'une génération (1898–1924). Paris, 1926.

Dominique P. Clemenceau. Paris, 1963.

Droz J. Histoire de l'Allemagne. Paris, 1997.

Duroselle J. -B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1993.

Duroselle J. -B. La politique extérieure de la France de 1914 à 1945. Fascicule I. Paris, 1965.

Général Mordaq. Le Ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. T. IV. Juillet 1919–Janvier 1920. Paris, 1931.

Gide Ch., Oualid W. Le bilan de la guerre pour la France. Paris – New Haven, 1931.

Guilleminau G. Les années folles. Paris, 1977.

Histoire générale des civilisations (publié sous la dir. de Maurice Crouzet). T. VII. L'Époque contemporaine (A la recherche d'une civilisation nouvelle) par Maurice Crouzet. Paris, 1957.

Honnorat A. La sécurité de la France. Textes et documents. Paris, 1923.

Izoulet J. Sans Russie, pas de France. Paris, 1920.

Laroche J. Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré. 1913–1926. Paris, 1957.

Mayer F. J. Political Origins of the New Diplomacy, 1917–1918. New Haven, 1959.

Paul-Boncour J. Entre deux guerres (Souvenirs sur la IIIe République), t. II. Paris, 1946.

Poincaré R. Histoire politique. Chronique de Quinzaine. 15 Mars–1 Septembre 1920. Paris, 1920.

Rajsfus M. De la Victoire à la débâcle (juin 1919 – juin 1940). Paris, 2000.

Renouvin P. Le Traité de Versailles. Paris, 1969.

Tardieu A. Le Slesvig et la paix. Paris, 1920.

Truttmenn Ph. La ligne Maginot ou la Muraille de France. Paris, 1985.